

Игорь Силантьев, новосибирский филолог, автор работ по теории литературного повествования и поэтике сюжета. Поэтические подборки публиковались в журналах: «Дети Ра», «Сибирские огни», «Квадрига Аполлона», «Место», «Prosōdia».

И. СИЛАНТЬЕВ ЖИЗНЬ ЛЕГКА

И. СИЛАНТЬЕВ
ЖИЗНЬ ЛЕГКА

ISBN 978-5-94457-218-9

9 785944 572189 >

И. СИЛАНТЬЕВ

ЖИЗНЬ ЛЕГКА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 82/821.161.1
ББК 84-5
С 36

С 36 **Силантьев И. В.**
Жизнь легка: Сборник стихов. — М.: Языки славянской
культуры, 2015. — 96 с.

ISBN 978-5-94457-218-9

УДК 82/821.161.1
ББК 84-5

*В оформлении переплета использована фотография,
сделанная автором*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-94457-218-9

© И. В. Силантьев, 2015
© Языки славянской культуры, 2015

— СОДЕРЖАНИЕ —

<i>В. Максимов. Дебютная коллекция</i>	7
Надкушенное яблоко, и липнущий снег	13
С ударающей в лицо, кидающейся в ноги	14
Божья коровка, полети на небо	15
Когда я встаю на правую ногу	16
Подоконник за невымытым стеклом	18
Так больной после горячечной ночи	19
Дождь прибывает дневную пыль	20
Ты стремишься стать звездой	21
Когда я был маленьким	22
Я плохо держу вилку в левой руке	25
Летнее кафе. Я немного пьян	26
Стоит только закрыть глаза	28
Я рвался в стороны. Мне помогал друг ветер	29
Так ведь бывает, что с утра не заладится	30
Напиши мне письмо	31
Я нахожу себя в тех, кого вижу вокруг	32
Август. Всю ночь лил дождь	33
Во мне есть неназванный свет	34
Жизнь и смерть, любовь и память	35
Давайте представим зеленые луга	36
Припавшая набок карусель	37
Я сижу в привокзальном кафе	38
Ты пришла	39
Я с большим удовольствием читаю газеты	42

— Содержание —

Горит что-то внутри, горит	43
Небо опускается к морю.	44
Я высок как трехэтажный дом	45
В прошлой жизни я был менуэтом	46
Я с утра сижу в ободранном баре	47
Как же хорошо быть паучком	48
Одни женщины похожи на газеты	49
Утром я поднимаюсь пораньше.	50
Я прогуливаюсь по гулким водосточным трубам	51
Прогулки по небу бывают опасны.	52
Избыть этот город с ветрами насквозь	53
Мне бы умереть незаметно	54
Я брожу по ночному лесу.	55
Зависит ли глубина твоего взгляда	56
Сегодня я полдня проездил по линии кольцевой в метро	57
Друг мой дружище, мы с тобой безнадежно пьяны	59
Ночью, когда не спится, я прихожу на кухню	60
Дай мне стакан воды	61
Летчик ты самолетный летчик	62
Загляни в эти глаза, загляни	64
Приручить ангела очень просто.	65
У меня ущербная грудь и отвисший живот	66
Чуткий как ворон, пыливый как еж	67
Пустые консервные банки	68
Если бы я был начальником бани	69
Мужики, хватит закладывать за ворот.	70
Я ложусь в зеленое поле	71
В моих ногах правда. Я толкаю планету.	72

— Содержание —

Подойди же сюда	73
Сегодня я радугу склеил из папиросной бумаги	74
Ветры дуют в разные стороны	75
Улыбчивая поливальная машина	76
Здравствуй, земля!	77
Холод подоконника. Слепая луна	79
Помнишь, как в детстве ты катался на карусели	80
Сегодня то самое перламутровое утро	83
Я не очень люблю стариков	85
В мелкой простудной дрожи	86
Я перекрестился трижды	87
Этот наушник правый, я вложу его в правое ухо	88
Вчера у автобусной остановки	90
В сентябрьском лесу полная неразбериха	91
И перед приходом электрички	92
Я сегодня сидел с друзьями	94

— ДЕБЮТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ —

Две основные темы находятся в центре дебютной книги Игоря Силантьева: «обыденность городского существования» и «соучастие природы в жизни человека».

Обе темы давно известны отечественной поэтической традиции. Первая стала родной с XVIII столетия, вторая своими корнями уходит в фольклорную словесность. Можно вспомнить немало поэтов, которые интересовались природой и городом, разводя и связывая эти два ценностно-смысловых мира в рамках целостной поэтической реальности.

Казалось бы, что нового можно добавить в эту плотную серию опытов и широкую панораму видов? Оказывается можно, что еще раз доказывает, насколько безгранично в своих возможностях художественное слово, поэтическое воображение.

Новая коллекция образов природно-городского бытия-быта, представленная в книге «Жизнь легка», интересна и поштучно, и в целом. Однако нас будет больше занимать поиск типологических пределов, то есть возможность хотя бы условно обозначить какие-то близкие группы текстов, так как в масштабе небольшой вступительной заметки обо всех произведениях сказать не представляется реальным, сложно даже проанализировать два-три наиболее ярких стихотворения.

В таком случае, что лучше всего выбрать в качестве типологических оснований?

Было бы любопытно обратить внимание на репертуар метрико-ритмических форм дебютной коллекции. Хотя здесь даже очень вездливого критика ждет большая работа, требующая тщательности, а главное — приблизительной интерпретации обнаруженных формальных закономерностей и тенденций.

Дело в том, что по своим параметрам опубликованные стихотворения принадлежат к неклассической поэзии и, еще точнее, к тому экспериментальному направлению, которое

авторитетными стиховедами определяется как «гетероморфный», «неупорядочный» стих (Ю. Б. Орлицкий). Непредсказуемость новой поэзии проявляется в отсутствии классических норм и привычных принципов стихообразования (метрики, рифмики, строфики и т. п.). Справедливости ради заметим, что в отдельных текстах И. Силантьева кое-что из багажа классической поэзии используется. Например, встречаются произведения, сплошь или хотя бы частично зарифмованные; многие тексты катастрофично-астрофичны, но есть и такие, в которых содержится не только тонкий намек на строфы, но и их структурная отчетливость; при определенном старании можно вычислить и любимые метрические каркасы, на которые ориентировано большинство произведений (тактовик, акцентный стих и верлибр).

Если досуг позволяет, а интересы статистики представляют сверхважными, то можно посчитать анакрузы, цезуры и клаузулы, вывести некие устойчивые показатели по всему сборнику, по отдельным произведениям и по ключевым позициям текста. Например, любопытства ради, можно сосредоточиться на стиховых строчках, укладывающихся в формулу «мужская анакруза — мужская клаузула», которые отличаются от других типов строк некоторой самоисчерпанностью, отрешенностью, упругостью.

Одним словом, метрико-ритмический критерий предоставляет исследователю широкое поле, но в какой степени необходимо применение тяжелой артиллерии современного стиховедения по отношению к дебютной книге? Не лучше ли в данном случае сосредоточиться исключительно на содержательно-смысловых моментах. Хотя и здесь необходимо найти верную точку типологического отсчета.

Скажем, если основной интерес видится в художественном мире, следует остановиться на образных решениях по отношению к таким категориям, как пространство и время. Если же акцентируется образ человека, который осмысливается поэтикой как организующий центр поэтической реальности,

то предстоит обязательно определить уникальность лирического героя (или лирического субъекта в целом). Этот список смысловых аспектов лирического произведения можно продолжать до бесконечности, но, в конечном счете, все пути ведут к образу. Именно типология художественного образа и может стать основой типологического расклада предложенной коллекции.

Несмотря на то, что традиционной минимальной единицей словесно-художественного творчества считается литературное произведение, а следовательно, представление о том или ином авторе формируется на основе анализа и интерпретации отдельных его текстов, мы склонны полагать, что существуют единицы, находящиеся «ниже» текста. Главной среди них действительно является образ. Понятый в культурно-исторической и типологической специфике, он представлен четырьмя основными разновидностями: мифом — тропом — предметным словом — символом (С. Н. Бройтман). В каком-то смысле лирическое высказывание вырастает из образа и в образ может быть свернуто. Безусловно, любой современный автор может использовать всю палитру образных языков, но все-таки нельзя долго сидеть сразу на четырех стульях: доминантный образный код является ключом авторского творчества, а читателю стоит из связки ключей выбрать тот, которым художественный мир открывается.

Если попытаться выстроить иерархию ключевых кодов поэзии И. Силантьева, то получается по нарастающей и приближающей нас к точности следующая картина: голое предметное слово — троп — символ — миф. Это означает, что основная интенция автора состоит в создании и презентации своего уникального творческого мифа, в круге которого, как известно, возможно все, потому что это все уже существует как единственная реальность!

Далеко неслучайно, что в текстах сборника не конкретизируются пространственные и временные свойства изображаемого. Так, о времени гораздо чаще сообщается через «сегодня»,